

Список литературы

Второй Всемирный конгресс финно-угорских народов. Будапешт, 1996.

Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1937.

Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пуужина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997.

Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000.

Зайцева Н. Г. Исследование прибалтийско-финских языков Карелии: теория и практика // Бубриховские чтения. Петрозаводск, 2002а. С. 26—33.

Зайцева Н. Г. Вепеский глагол. Петрозаводск, 2002б.

Керт Г. М. Дмитрий Владимирович Бубрих. Л., 1975.

Сородичи по языку. Будапешт, 2000.

Финно-угорский мир. Будапешт; М., 1996.

Финно-угорский мир: Стат. сб. Сыктывкар, 2004.

Abramov N. Koumekümne koume. Petroskoi, 1994.

Abramov N. Kurgiden aig. Petroskoi, 1999.

Andrejeva A. Koivuine. Petroskoi, 2003.

Brodski I. Kalarand / Juminkeko. Kuhmo, 2002.

Kalevala. Petroskoi, 2003 (перевод на вепеский язык Зайцевой Н. Г.).

Lapsiden Biblii. Stokgolm; Helsinki, 1996 (перевод на вепеский язык Зайцевой Н. Г.).

Wurm S. Siberia: 1650—1950 Ethnic and Linguistic Changes // Wurm S. A., Mühlhäusler and D. T. Tryon (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 1996.

© *Е. В. Захарова*

ПОЛУКАЛЬКИ В ТОПОНИМИИ ВОСТОЧНОГО ОБОНЕЖЬЯ

Восточное Обонежье, включающее в себя Пудожское побережье Онежского озера и прилегающие к нему районы, — это русская территория. Однако исследователям хорошо известно о сохранившемся здесь на разных уровнях языка и культуры прибалтийско-финском наследии. Так, этнографический и топонимический материал, представленный на данной территории, позволяет говорить о богатой этнолингвистической истории Восточного Обонежья, а именно о саамском, вепеском и карельском компонентах в языке и культуре русских Восточного Обонежья (Логинов К. К., 2001; Муллонен И. И., 2001). Настоящим кладезем прибалтийско-финского наследия данной территории является топонимия, что обусловлено исключительной устойчивостью топонимов во

времени. Они часто продолжают жить, несмотря на смену населения и его языка.

В топонимической картотеке ИЯЛИ насчитывается около 10 тысяч единиц пудожской топонимии, из которых около 2 тысяч — топонимы с нерусскими истоками. Топонимы, имеющие нерусское происхождение, распределяются по всей территории Восточного Обонежья, при этом просматриваются очаги, где процент топонимов прибалтийско-финского происхождения выше среднего по району. К таковым относятся Водлозеро с окрестностями, поселения, примыкающие к Архангельскому пограничью, а также отдаленные от побережья р. Водла дельта. Хорошая сохранность прибалтийско-финской топонимии связана, очевидно, с тем, что освоение этой территории русским населением не носило массового характера. Формирование русских Пудожья протекало постепенно, в значительной степени в результате обрусения местного прибалтийско-финского населения.

Анализ топонимического материала Восточного Обонежья, который хранится в картотеке ИЯЛИ, позволяет говорить о том, что среди топонимов, имеющих нерусское происхождение, подавляющее большинство составляют гидронимы, т. е. названия водных объектов. Кроме того, топонимы с нерусскими истоками многочисленны и в микротопонимии — наименованиях, не значительных по размерам и имеющих ограниченное употребление объектов.

При анализе структуры пудожской топонимии выделяются характерные для всей территории Русского Севера структурные типы топонимов (Матвеев А. К., 2001, 163): 1) собственно-субстратные топонимы, характеризующиеся субстратными основой и формантом (Верепжа, Вехкажа, Илекса), при этом формант может быть этимологически ясен, затемнен и опущен (в случае эллипсиса); 2) топонимы с субстратной основой и русским аффиксом или аффиксами (Илекское устье, Лахтинский берег, Воришнельская Лахта); 3) топонимы-полукальки с субстратной основой и русским географическим термином-детерминантом (Вехкозеро, Перботто, Варбоостров).

В данной работе будет рассмотрен последний из перечисленных структурных типов топонимов — топонимы-полукальки. Этот тип названий широко распространен по всему Русскому Северу, к которому относится и Восточное Обонежье.

Полукальки — это сложные по структуре топонимы, в которых второй (основной) элемент представлен русским географическим термином, в то время как первый компонент (атрибутивный) является нерусским: Сяргозеро, Пергуба, Лехнаволк. Механизм возникновения таких

топонимов отражен уже самим термином «полукалька», который возникает в результате калькирования, перевода основного компонента топонима. То есть за Сяргозером стоит Särkijärvi, за Пергубой — Perälähti (или Perälakši), а за Лехнаволоком — Lehtoniemi.

Ясно, что такие названия не могли возникнуть в русской языковой среде. Необходимым условием их появления было осознание структурного членения топонимов и знание языка-источника топонимии. Такая ситуация возникала при двуязычии, билингвизме местного прибалтийско-финского населения и постепенного перехода его на русский язык. В ходе обрусения оно принесло с собой в русскую систему топонимов собственную прибалтийско-финскую модель называния, приспособив ее к русскому употреблению с помощью перевода основного компонента. По мнению М. Л. Гусельниковой (Гусельникова М. Л., 1998, 27), «образования по типу "топоним (основа) + Г" получили массовое распространение на территории Русского Севера и потому, что сохраняли привычную аборигенному населению словообразовательную структуру топонима, и потому, что для русского языка такая структура оказалась органичной». Примеры такого типа фиксируются в зоне ранних контактов — в языке новгородских былин: Пучай-река, Волга-река, Ильмень-озеро (Агеева Р. А., 1989, 116–117). Принципиально иную модель прибалтийско-финско-русского контактирования предполагает заимствование топонимов. Для заимствования не нужен билингвизм. Название усваивается как готовый звуковой комплекс в воспринимающий (в данном случае русский) язык, который выступает в роли активной стороны контактирования.

Полукальки, таким образом, убедительное свидетельство в пользу прибалтийско-финского прошлого Восточного Обонежья. Их набор достаточно разнообразен. Так, на данной территории широко представлены полукальки со следующими детерминантами: -озеро, -ручей, -болото, -остров, -наволоок, -губа, -бор, -поле и т. д.

Самое большое количество выявленных на территории Восточного Обонежья полукалек — это полукальки с компонентом -озеро: Айтозеро, Коппалозеро, Лейбозеро, Лехмозеро, Маткозеро, Пелтозеро, Райозеро, Рандозеро, Салмозеро, Сейбасозеро, Харагозеро и т. д. Такие названия озер представлены на данной территории повсеместно, имеют самый обширный ареал распространения.

Пелтозеро: с.-кар. **pelto**, **peldo**, вепс. **püüd**, **pöüd** 'поле'¹.

Рандозеро: с.-кар. **ranta**, **randa**, вепс. **rand** 'берег, край какой-либо природной реалии (поля, леса, болота)'.

¹ Значение диалектных лексем здесь и ниже см.: KKS, СВЯ.

Салмозеро: с.-кар. **salmi**, вепс. **sal'm** 'пролив'.

Как видно из примеров, атрибутивные элементы данных топонимов говорят о прибалтийско-финском (а именно карельском и вепсском) происхождении этих гидронимов. Примечательно то, что названия крупных озер в большинстве своем составляют полукальки с прибалтийско-финским компонентом, что опять же указывает на древность этих топонимов. Универсальной закономерностью в топонимии является устойчивость, долговечность наименований крупных объектов, которые обладают относительно широкой известностью и поэтому редко меняются. Название — это адрес, а адрес должен быть постоянным или, во всяком случае, меняться как можно реже.

Ареал распространения полукалек с компонентом -ручей также довольно обширен: Войручей, Каларучей, Корехручей, Лехмручей, Линдручей, Мутаручей, Пелтручей, Пойкручей, Рандручей, Сельгаручей и т. д.

Модель с данным компонентом присутствует в названиях ручьев, а также покосов и пожень, располагающихся по этим ручьям.

Корехручей: с.-кар. **kuoreh**, вепс. **koreh** 'корюшка'.

Линдручей: с.-кар. **lintu**, вепс. **lind** 'птица'.

Мутаручей: с.-кар. **muta**, вепс. **muda** 'тина, ил'.

В Восточном Обонежье для обозначения понятия «болото» существуют два термина: «болото» и «мох». Модель на -мох (Варешмох, Вискимох, Виямох, Кукмох, Ламудмох, Пурмох, Ридомох, Сармох и т. д.) представлена в основном вдоль границ с Архангельской областью и Вытегорским районом, тогда как в центральной части данной территории преобладает модель на -болото: Ёнишболото, Карасболото, Перболото, Урболото, Яньболото и т. д. Это, вероятно, связано с маршрутом продвижения и освоения данной территории представителями славянской колонизации.

Кижиммох: с.-кар. **kiidžin** 'мох (в том числе растущий на дне водоемов); лишайник'.

Ридомох: с.-кар. **rida**, вепс. **r'ida** 'силок, ловушка (на птиц)'.

Перболото: с.-кар. **perä**, вепс. **pera** 'отдаленная местность, дальний угол; конец залива'.

Урболото: с.-кар. **uga**, **ugo**, вепс. **ugu** 'борозда, овраг; русло реки; кропа'.

Полукалька с компонентом -река представлена лишь несколькими примерами:

Ендрекка: этимология названия пока остается неясной.

Йогарекка: с.-кар. **joki**, **jogi**, **d'ogi**, вепс. **jogi**, **d'ogi**, **d'ögi**, **g'ogi** 'река, речка'.

По мнению исследователей, малочисленность полукалек в названиях рек (по сравнению с их обилием в названиях озер, ручьев и болот) объясняется тем, что субстратные названия рек семантически пусты и поэтому даже без детерминанта -река они сохраняют лексическую обособленность. Кроме того, данная модель является непродуктивной и в прибалтийско-финской топонимии (Муллонен И. И., 2002).

Полукальки с географическим термином -остров в большинстве своем встречаются в названиях островов на Водлозере и в Онежском озере: Валостров, Габостров, Ламбасостров, Райостров, Сельгостров. Вот этимологии некоторых из них:

Габостров: с.-кар. **huapa**, вепс. **hab** 'осина'.

Ламбасостров: с.-кар. **lammas**, вепс. **lambaz** 'овца'.

Полукальки с компонентом -наволоок присутствуют в названиях речных и озерных мысов, деревень и сельскохозяйственных угодий, расположенных на этих мысах (что соответствует значению северно-русского диалектного «наволоок» 'мыс, полуостров'): Канзанаволок, Каттиланаволок, Мегренаволок, Нагришнаволок, Ойнаспаволок, Райнаволок, Ряпуснаволок.

Канзанаволок: с.-кар. **kansa**, вепс. **kanz** 'семья, группа людей, народ'.

Нагришнаволок: с.-кар. **nakris**, вепс. **nagriz** 'репа'.

Ойнаспаволок: с.-кар. **oinas**, вепс. **oinaz** 'баран'.

Ареал распространения данной модели ограничивается восточным побережьем Онежского озера и охватывает все побережье Водлозера, что, видимо, обусловлено ландшафтной характеристикой территории.

Полукальки на -бор в Восточном Оболежье представлены лишь несколькими примерами: Варишбор, Кукойбор, Пудожбор, Сяйбор.

Варишбор: с.-кар. **varis**, вепс. **var'iš** 'ворона'.

Кукойбор: с.-кар. **kukkula**, **kukkura**, **kukkuri**, вепс. **kukkaz** (*kuk) 'крутая гора, холм, вершина горы или сопки'.

Полукальки на -бор используются на данной территории для обозначения пахотных угодий и лесных урочищ, что соответствует одному из значений термина «бор» в русских говорах Карелии. Помимо основной семантики 'лес, обычно растущий на сухом песчаном месте' данный термин обозначает также 'сельскохозяйственные угодья, отдаленные от поселения' (СРГК). Эта модель встречается на побережье Онежского озера и в Водлозерье.

Полукальки в названиях полей оказались малочисленными. Представлены они детерминантом -поле, при этом данный тип является преимущественно водлозерским:

-поле: Вавдиполе, Ижполе, Чилополе, Чурполе;

Иэсполе: с.-кар. **hiisi** 'перелесок; отдаленное, глухое, наводящее страх место';

Чурполе: с.-кар. **čuuru**, вепс. **čuru, čuur** 'крупный песок; гравий; дресва; край, сторона'.

Сопоставительный материал с территории Водлозера позволяет установить, что элемент -поле является переведенным прибалтийско-финским термином **pelto**, который обнаруживается в ряде топонимов, усвоенных в результате прямого перехода прибалтийско-финского оригинального топонима в русское употребление:

-пельда/пелда: Варишпельда, Кипелда;

-пёлда: Вакипёлда, Кодапёлда;

-палда: Перпалда, Чурпалда.

В Восточном Обонежье присутствует целый ряд сложных по структуре топонимов, в которых в качестве основного элемента выступает диалектная лексема, заимствованная из прибалтийско-финского источника:

-лахта 'залив в озере'²: Кивилахта, Ламбаслахта, Маткалахта, Рянуплахта;

-салма 'пролив между островами, пролив': Войнасалма, Кевасалма, Коскосалма;

-орга 'высокий старый лес, болотистое место, участок леса': Кукорьга, Пянерга, Руморга, Саворга;

-сельга 'возвышенность, гора, обычно поросшая лесом; лес; мелкий лиственный лес, участок леса, лес на сухом месте, лес на небольшой возвышенности': Габсельга, Кивисельга, Куксельга;

-лухта 'залив озера, зарастающий травой, осокой; низменное болотистое место у реки, озера, заливной луг, пожня у реки, озера': Пойлухта;

-луда 'подводный камень, уступ, скала; камень, торчащий из воды, небольшой каменный островок': Пармишлуда, Рохлалуда;

-чупа 'поляна в лесу': Чучупы;

-сара 'развилка, разветвление (например, дороги, реки, ручья)³: Енсара, Лебсара, Риксара.

Не всегда ясно, имеем ли мы в данном случае дело с полукальками (то есть основной компонент топонима русский) или же это результат прямого усвоения (то есть прибалтийско-финское название целиком перешло в русскую систему именования). Однако исходя из того, что,

² Значение диалектных лексем здесь и ниже см.: Мызников С. А., 2003.

³ Значение диалектной лексемы здесь см.: Мамоштова Н. Н., Муллонен И. И., 1991.

по крайней мере, часть из этих моделей образует явные ареалы в Восточном Обонежье, можно предполагать, что речь идет все-таки о полукальках.

В заключение приведем один сюжет, связанный с ареальным анализом полукалек.

Полукальки на -губа и -лахта характеризуются своими ареалами. За ареальным противостоянием моделей стоит, видимо, определенное этноисторическое содержание.

Полукальки с детерминантом -губа представлены вдоль восточного побережья Онежского озера, но не распространяются вглубь побережья, где в названиях заливов выступает тип полукалек с детерминантом -лахта. Последний заимствован из прибалтийско-финского источника в русские говоры Пудожья, где широко используется, в частности, в топонимах-словосочетаниях типа Долгая Лахта, Дальняя Лахта и др. Центр распространения данной модели Водлозерье, где обнаруживаются десятки полукалек с основным компонентом -лахта (Видалахта, Габлахта, Ижлахта, Канзалахта, Кивилахта, Кортлахта, КуЙлахта и др.).

Для того чтобы понять механизм формирования выделенных ареалов, надо иметь в виду, что топонимы с детерминантом -губа в изобилии представлены и на противоположном берегу Заонежского залива, в Восточном Заонежье. В то же время внутри Заонежского полуострова модель малоактивна. Такая ареальная дистрибуция, видимо, маркирует маршрут продвижения на север русских переселенцев по Онежскому озеру. Эта мысль подтверждается, кажется, и тем, что термин «губа» для обозначения залива известен на начальном этапе маршрута — в новгородском Приильменьи⁴, а также в конечном пункте этого маршрута — в Беломорье. Однако по мере удаления от транзитной водной дороги активность термина быстро сходит на нет.

То, что на Водлозере для обозначения озерных заливов используется прибалтийско-финское слово «лахта», поддерживает предложенный

⁴ Судя по примерам, приводимым Новгородским областным словарем Вып. 2. Новгород, 1992. С. 66), губа бытует в Новгородской округе в основном только в топонимах — названиях заливов на оз. Ильмень и Пирос. Словарь русских народных говоров отмечает слово «губа» 'полоса земли, вдающаяся в реку' только как несовременное, оставляя почему-то в стороне широкую известность географического термина в Обонежье и Беломорье. Термин не приводится и в словаре русских говоров Карелии (возможно, считается авторами словаря литературным словом). В словаре В. Даля фиксируется губа как морской залив на Белом море.

выше механизм появления «губы» на севере. Видимо, за ареальной дистрибуцией «губы» и «лахты» реконструируется, таким образом, несколько разный характер прибалтийско-финско-русского контактирования. На побережье Онежского озера оно было активнее, и в результате здесь закрепилось русское слово. В отдаленном же от побережья Водлозерье русская колонизация была, видимо, минимальной, и русские Водлозерья сформировались преимущественно в результате постепенного, через этап билингвизма обрусения местного прибалтийско-финского населения. Закрепление прибалтийско-финского термина «лахта» в местном русском говоре и активное участие его в образовании полукалек связано именно с этим.

Подводя итог, отметим еще раз, что современная территория Восточного Обонежья является русской, поэтому и топонимия в ее современном состоянии (по употреблению, словоизменению и словообразованию) является северно-русской, то есть топонимы усвоены русским населением и являются частью русской топонимической системы. Значительная часть географических названий данной территории имеет до- и прибалтийско-финское происхождение. Среди топонимов с нерусскими истоками выделяются так называемые топонимы-полукальки, условием появления которых было двуязычие и постепенное обрусение местного прибалтийско-финского населения, в ходе которого в русскую систему топонимов была перенесена и усвоена прибалтийско-финская модель называния. Поэтому полукальки — свидетельство прибалтийско-финского прошлого Восточного Обонежья.

Список литературы

Алексеев Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

Гусельникова М. Л. Севернорусская интерпретация структуры «топоним-географический термин» // Ономастика и диалектная лексика II. Екатеринбург, 1998.

Логинов К. К. Этническая история Восточного Обонежья и «этнографического» Заонежья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 360—368.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера I. Екатеринбург, 2001.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.

Муллонен И. И. Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 332—339.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.

СВЯ = *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.

СРГК = Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1. СПб., 1994.

KKS = *Karjalan kielen sanakirja*. I—V / LSFU XVI. Helsinki, 1968—1997.

SKES = *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. I—VI / J. H. Toivonen, J. Joki Aulis, R. Peltola. Helsinki, 1974—1987.

© *Т. И. Исламаева*

ТРУДНЫЕ СЛУЧАИ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАММАТИКИ ФИНСКОГО ЯЗЫКА. ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ (АККУЗАТИВ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ)

В данной статье мы рассмотрим аккузатив как самостоятельный падеж в финском языке, его функции и употребление и дадим некоторые методические указания, способствующие более полному усвоению этого падежа.

В современной финской грамматике и в учебниках, напечатанных начиная с 80-х годов прошлого столетия до настоящего времени, уже практически полностью отказались от аккузатива как падежа, передав его функции номинативу и генитиву (*Lessons in Finish Grammar*, Suomeksi. Vuokko Heikura; Arulainen, Mervi Murto ym.) В практике преподавания финского языка в России как иностранного нельзя отказываться от независимости этого падежа. Он обладает всеми условиями, чтобы быть самостоятельным. Этот падеж является «грамматической категорией имени, выражающей отношение данного имени в данном падеже к другим словам в предложении», а также отдельной формой изменения имени. То, что его выражение, а именно падежные окончания совпадают по виду с падежными окончаниями номинатива и гени-